

УДК 321.02

КАНТИАНСКАЯ ПРОГРАММА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: НЕЙРОПОЛИТОЛОГИЯ¹

Бажанов Валентин Александрович,
Ульяновский государственный
университет,
заведующий кафедрой философии,
социологии и политологии,
доктор философских наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
г. Ульяновск, Россия.
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Аннотация

Прогресс в последние годы когнитивных исследований и, прежде всего, нейронауки способствовал обнаружению эмпирических данных, согласно которым определенные нейробиологические структуры могут влиять на формирование тех или иных политических убеждений и/или стимулировать ту или иную социально-политическую активность. Это послужило становлению нейрополитологии, которая анализирует обстоятельства и особенности влияния нейробиологических структур на сферу политической деятельности. До оформления нейрополитологии как относительно самостоятельного направления социально-политические науки на протяжении почти ста лет не признавали такого рода феноменов. Между тем предзаданность определенных социально-политических представлений и действий особенностями мозга заставляет вспомнить идею И. Канта об априоризме, которая в современных условиях приобретает новый формат и смысл. Именно данное положение стремится аргументировать автор в настоящей статье.

Ключевые понятия:
когнитивные исследования,
нейронаука, нейрополитология,
априоризм, И. Кант,
исследовательская программа,
эффект Болдуина.

Еще какие-то сто лет назад люди воспринимали самолёт и телефон как выдающиеся научные и технические достижения. Середина XX века прошла под знаком покорения атомной энергии, а конец этого столетия ознаменовался торжеством и бурным развитием информационных технологий, которые в начале XXI века заметно совершенствуются. Между тем эстафета научного прогресса, на наш взгляд, ныне переходит к комплексу когнитивных исследований и, прежде всего, к нейронауке. Уже твердо можно утверждать развертывание социально-культурной революции в когнитивной науке [2].

Своего рода предчувствие революции в нейронауке выражалось в том, что 1990-е годы Сенат США и тогдашний американский Президент Дж. Буш провозгласили десятилетием науки о мозге. Начало XXI столетия ознаменовалось тем, что и в Европейском Союзе (ЕС), и в США объявлены грандиозные по масштабам исполнения и финансирования, весьма дерзкие по своему замыслу, программы исследования мозга. Так, в ЕС такого рода программа действует примерно с 2007 года [12], а в 2013 году Президент США объявил об аналогичной программе [31], которая только от правительства этого государства получает несколько сот миллионов долларов в год. Если учитывать поддержку со стороны частных фондов и компаний, то общая сумма ассигнований в ЕС и США ныне достигает, соответственно, объема в два миллиарда евро и долларов в год.

В 2014 году Нобелевская премия по физиологии и медицине была присуждена за открытие клеток навигационной системы мозга. Отдавая отчет в важности этого открытия, следует заметить, что его, на мой взгляд, можно сравнить с верхушкой айсберга – если иметь в виду разворачивающуюся научную революцию в нейронауке, которая с точки зрения своего содержания обычно характеризуется как социально-культурная. Эта революция разворачивается в контексте «жесткого ядра» **кантианской исследовательской программы** изучения различных форм активности сознания, которые обусловлены нейробиологическими структурами и особенностями их функционирования. Ведущие представители современной нейронауки именно таким образом – как продолжение реализации кантианской программы – оценивают смысл и стратегические замыслы своих

¹ Работа поддерживалась грантом РГНФ №16-03-00117а.

исследований [16, p. 44; 10, p. 517]. Понятно, что здесь имеется в виду дух, а не буква этой программы [1], причем данная программа носит выраженный трансдисциплинарный характер, поскольку в ней активно работают идеи и совмещаются методы из самых различных разделов современной науки – физики, математики, биологии, генетики, психологии, лингвистики, философии, социологии и других дисциплин.

Вполне естественно, что социально-культурная революция и, соответственно, исследовательская программа изучения различных форм активности сознания, которые обусловлены нейробиологическими структурами, коснулась и политологии. Пока можно говорить лишь о первых шагах, но смысл уже полученных результатов позволяет говорить о перспективах существенного обогащения политической мысли, причем на эти шаги обратили внимание уже даже в ведущем естественнонаучном журнале Nature [6]. Восприятие этих шагов весьма осторожное, поскольку убеждение в том, что социально-политические процессы обусловлены не биологическими, а сугубо социальными причинами, является повсеместно доминирующим. Марксистское положение о том, что «сущность человека...есть совокупность всех общественных отношений», глубоко укоренено не только в коммунистической доктрине, но и в чрезвычайно далеких от коммунистических учениях. Натуралистические тенденции XIX века (социальная физика – О. Конт, эволюционная теория – Ч. Дарвин, френология – Ф.И. Галль, психофизиология – Г. Фехнер, Э. Вебер и т.п.) и биологический поворот, заметный даже в начале XX века (Г. Спенсер), давно канули в Лету и вспоминаются разве что в связи с историей социально-политической мысли. Если использовать терминологию И. Лакатоса, то это была регрессивная, вырождающаяся исследовательская программа. Кроме того, к натуралистическому подходу в социальных науках в XX веке после известных теорий, касающихся причин расовых различий, а также бесчеловечных экспериментов нацистов ученые к этому подходу относились с большим недоверием и явной настороженностью [21, p. 244].

Между тем социально-культурная революция в когнитивной науке настоятельно заставляет вспомнить о натуралистических тенденциях в области социального знания, включая, само собой, политологию. Можно утверждать, что эти тенденции возрождаются под довольно мощным напором

оригинальных эмпирических данных, но в безусловно новом качестве и формате [19], а исследовательская программа из регрессивной преобразуется в прогрессивную. Ее жесткое ядро строится вокруг идеи о том, что социально-культурные реалии активно взаимодействуют с нейробиологическими структурами, оказывают заметное, а иногда существенное, влияние на последних. В свою очередь социально-культурные реалии испытывают «встречные» импульсы со стороны отличающегося поразительной пластичностью мозга, и модифицируются, перестраиваются в ответ. Собственно, данное обстоятельство и имеется в виду под «кантианскими мотивами»: нейробиологические образования и их динамические изменения в некоторой мере предопределяют ведение и восприятие внешней (социальной) реальности. И. Кант приписывал трансцендентальному субъекту возможность достоверного познания вещей в рамках и посредством определенных априорных представлений. Субъект как бы набрасывает на реальность концептуальную сеть, созданную из априорных образований, и вылавливает из реальности соразмерные величине ячеек этой сети знания о вещах. Сейчас речь, конечно же, не идет о букве кантианского учения, а его духе: определенные нейроструктуры (в данном случае биологические и деятельностные, т.е. преобразованные в результате конкретной деятельностной активности и/или согласно эффекту Болдуина – нейроструктуры, предзаданные в смысле отношения к конкретному опыту, в некоторой степени задают характер политического стиля мышления и поведения человека и/или социальных групп).

Консерватизм versus либерализм: онтогенетические основания и различия

О возможностях нейробиологической детерминации социальных процессов, имея в виду синтез взглядов отдельных людей и/или социальных групп, свидетельствует целый комплекс эмпирических данных, которые получены в контексте применения различных методологий, экспериментальных методик (например, благодаря применению функциональной магнитно-резонансной томографии) и затрагивают многообразные предметные области нейронауки [4, p. 126–130].

В ходе исследований выявлено, что архитектура мозга и его способность к когни-

тивной активности оказывается зависимой от ряда социально-экономических факторов – дохода родителей и впоследствии собственного дохода, социального статуса, образования. Доля серого вещества (например, в гиппокампе) тем выше, чем более благоприятны такого рода факторы, в контексте которых формировался носитель данного мозга [22, р. 5]. Люди, которые ведут более обеспеченный образ жизни, более склонны к участию в политике; они более активны в процедурах голосования, а среди верующих таковых больше на 10% [13, р. 580, 588].

Стремление человека участвовать в политической жизни оказывается скоррелированным прежде всего с генами MAOA и 5HNT, которые играют заметную роль в регулировании стресса и чувства страха. Эти гены связаны с выработкой серотонина, от уровня которого зависит чувство страха и желание принимать участие в общественной жизни. Конечно, здесь нельзя не учитывать политическую активность родителей – она определяет политическое поведение потомков примерно на 50–60%, равно как и устойчивые традиции окружения в процессе взросления человека [12, р. 588, 589; 9].

Обладатели аллеля 7R гена DRD4 склонны к поиску и более легкому принятию нового; они более склонны к поисковой активности, исследовательской деятельности и нетривиальным решениям (поэтому этот аллель называют «аллелем риска»). Среди эмигрантов заметно больше людей именно с «длинными» аллелями этого гена [8, р. 244]. При этом замечено, что чем больше у них друзей в юности, тем они придерживаются более либеральных взглядов [14].

Либеральное и консервативное мировоззрение коррелирует с величиной передней части поясной извилины коры головного мозга (anterior cingulate cortex) и правой миндалины (right amigdala): оба этих раздела мозга ассоциируются с активностью при поиске выхода из конфликтных ситуаций и реакцией на опасность и неопределенность. У людей с консервативными (и правыми – в привычном понимании) взглядами объем миндалины увеличен, активность же ее понижена, а объем поясной извилины как раз уменьшен; у либералов наблюдается противоположная тенденция [23, р. 61]. Больше содержание серого

вещества в передней части поясной извилины коры мозга однозначно коррелирует с либеральными взглядами носителя этого мозга, тогда как большее содержание серого вещества в правой миндалине – с консервативными взглядами носителя данного мозга¹ [24, р. 678].

С точки зрения познавательной активности, в результате которой создается картина мира, консерваторы и либералы (правые и левые) существенно различны². Они видят и препарируют мир преимущественно по-разному. При этом с некоторой степенью вероятности уже в раннем детстве можно судить о том, к какой политической позиции будет тяготеть человек, когда станет взрослым. Так, трехлетние дети, которые часто испытывают страх, скованность в общении со сверстниками, нерешительность, которые легко уязвимы, во взрослом состоянии обычно придерживаются консервативных взглядов. Напротив, те дети, которые экспрессивны, самодостаточны, энергичны и инициативны в общении со сверстниками, во взрослом состоянии часто разделяют либеральные взгляды [23, р. 58].

Консервативно настроенные люди склонны воспринимать реальность как насыщенную опасностями, ситуации неопределенности для них не вполне комфортны, они стремятся к строгому порядку, а картина мира им представляется в небольшом количестве красок. Им нужна определенность в будущем, в которой нет места потенциальным опасностям, у них более «жесткое» восприятие действительности, которое тяготеет к однозначности [7, р. 156]. Для них люди часто представляются как участники постоянного состязания, борьбы за место под солнцем [28, р. 138; 26]. Консерваторы предпочитают видеть причину своих неудач в деятельности других социальных групп и стараются последовательно защищать своих сторонников. Так, консерваторы в меньшей степени, чем либералы возлагали ответственность за развязывание войны с Ираком в 1991 году именно на американское правительство.

Поскольку консерваторы более чутко реагируют на потенциальную опасность, то они более склонны к эмиграции как средству избежать неблагоприятные для себя последствия [30, р. 90]. Акцент на консервативных настроениях может эффективно работать на консолидацию и мобилизацию

¹ Эксперименты проводились на людях молодого возраста.

² Само собой, необходимо отдавать отчет в условности характеристик «правое» и «левое» [5].

соответствующего электората в выборных кампаниях.

Религиозность усиливает консервативные установки и в каком-то смысле является их расширением, поскольку обещает определенность будущего и своего рода безопасное существование наряду с более простой картиной мира.

Либерально настроенные люди лучше, чем консерваторы, выполняют задания на исследование нового, они более открыты для восприятия всей палитры мира и терпимы к ситуациям неопределенности, легче и гибче, по сравнению с консерваторами, воспринимают процессы изменения, которые затрагивают их существование. Мир для них более устроен сложнее, многообразнее, и они не столь болезненно, как консерваторы, воспринимают потенциальные опасности [23, р. 57–60]. Либералы более способны к эмпатии, и им часто свойственна озабоченность проблемой благосостояния других членов общества. Различие между консерваторами и либералами выражается и в чисто физиологических реакциях, связанных, например, с направлениями движения глаз в процессе общения с людьми [11].

Грань между либералами и консерваторами между тем подвижна. Так, после событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда при террористической атаке были разрушены башни Всемирного торгового центра и погибло множество людей, среди тех, кому удалось выжить, число консервативно настроенных лиц выросло в три раза, причем это произошло независимо от их собственной идентификации и предыдущих политических симпатий. В то же время если речь идет о сознательной защите своего мировоззрения, то либералы становятся еще более либеральными в своих убеждениях [29, р. 902, 905]. Активность нейроструктур при этом также претерпела изменения. И это естественно, поскольку социально-культурные мотивы могут заменять, дополнять и/или вообще вытеснять те особенности поведения, которые генетически запрограммированы. Кроме того, известно, что негативная информация приводит более сильный психологический эффект, нежели позитивная информация.

В обществах и культурах, которые принято считать *коллективистскими*, к которым обычно относят восточные культуры, преобладают индивиды с короткими аллелями типа 5-HTT, у которых наблюдается большее содержание серотонина. Индивиды с такого рода аллелями в

меньшей степени склонны к тревогам и депрессиям благодаря доминированию коллективистских ценностей, которые в данном случае способствуют смягчению генотипически восприимчивым населением последствий воздействия разного рода рисков аффективного поведения и психических нарушений.

Представители западных, считающихся *индивидуалистскими* культурами, генетически (в смысле преобладающих композиций генома) предрасположены к более высокому уровню тревожности, депрессивным состояниям и другим формам психических аномалий.

С нейробиологической точки зрения здесь имеется в виду работа генетических механизмов приобретения социально-культурного опыта путем задания общих принципов построения и настройки нейронных контуров, а в социально-культурном аспекте – о глубинной фундаментальности соответствующих практик физиологической организацией человеческого организма и его мозга.

Культура задает угол зрения, ракурс обработки информации, поступающей в мозг от некоторого одного предмета и, более того, в какой-то мере и выделение самого предмета (имея в виду фон, контекст его «существования») задается этим ракурсом. В результате у носителей разных культур активизируются разные участки мозга: у европейцев это преимущественно затылочнo-височные отделы коры мозга, ответственные за выделение отдельных объектов, а у представителей Восточной Азии – так называемая парагиппокампальная извилина, которая прежде всего обрабатывает контекст, фон, на котором находится объект. У восточных народов нейронные сети более активны в районах мозга, которые связаны со взаимодействием с другими носителями сознания и эмоциональной сферой, а у западных – в районах мозга, которые осуществляют функции самоописания и процессуальной эмоциональной реакции, относящейся к продолжающейся социальной деятельности [17, р. 298].

Настолько надежны и воспроизводимы эмпирические данные, которые позволяют делать достаточно далеко идущие и неожиданные заключения о плотных ген-средовых (ген-культурных, ген-социальных) взаимозависимостях (gene-environmental influences)?

Эти эмпирические результаты вполне надежны и воспроизводились в процессе длительных (несколько десятков лет)

наблюдений над тысячами близнецов из разных государств. В девяти параллельных экспериментах, которые длились сорок лет, участвовало двенадцать тысяч близнецов из пяти (демократических) стран. Это широкомасштабное исследование убедительно показало, что «генетические факторы играют роль в формировании политических идеологий независимо от того, как параметры этих идеологий измеряются в зависимости от эпохи, а также выборки той или иной группы населения» [20, р. 282]. Другие исследования, в которых принимало участие еще большее число респондентов-близнецов (тринадцать тысяч) подтверждают такого рода заключения: генетика «существенно влияет на формирование либеральных и консервативных политических взглядов» [18, р. 280; см. также: 3; 27, р. 1249; 15; 25]. Разумеется, здесь речь идет об интегративных характеристиках людей и социальных групп, которые носят вероятностно-статистическую природу и проявляются на значительных совокупностях реципиентов, вовлеченных в те или иные массовые движения.

Таким образом можно утверждать социально-культурную и нейробиологическую взаимообусловленность: *культура (в широком смысле, который предполагает ее социально-политические измерения) оказывает существенное влияние на объективные биохимические процессы, протекающие в мозге и на изменение генетического материала человека, а последние, напоминая нам об идее априоризма И. Канта, в свою очередь, могут предрасполагать их носителей к формированию и поддержке определенных культурных (социально-политических) сред, напрямую связанных с характером восприятия, рассуждения и особенностями перцептивной деятельности человека в целом. Этот феномен известен как эффект Болдуина: изменения в генах могут приводить к изменению человеческого поведения, которое в свою очередь ведет к изменению факторов естественного отбора и, стало быть, к выбору новой траектории эволюции человеческого организма и целых социальных групп. Его смысл заключается в факте коэволюции генома человека и его культуры, в наличии двух переплетающихся и взаимозависимых траекторий развития homo sapiens: естественной (натуральной) и культурно-исторической. Иными словами, изменение поведения системы может вести к изменению естественных факторов отбора и, следовательно, к но-*

вым направлениям ее развития. Таким образом, каждая составляющая цепочки «гены – структуры – функции – опыт» находится в состоянии по меньшей мере двунаправленного взаимодействия: активность и состав генов зависят от характера окружающей среды (имея в виду и культуру), а окружающая среда постепенно изменяется в результате деятельности возрастающей массы носителей активности данного множества генов. Восприятие же реальности осуществляется через призму представлений, которые в конечном счете замкнуты на онтогенетические и сформированные в процессе конкретной деятельности концептуальные структуры.

1. Бажанов, В.А. Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы [Текст] / В.А. Бажанов // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 126–137.

2. Фаликман, М.В. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта [Текст] / М.В. Фаликман, М. Коул // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

3. Benjamin, D.J. The Genetic Architecture of Economic and Political Preferences [Text] / D.J. Benjamin, D. Cesarini, J.H.M. Mattheij, M. Loos van, C. Dawes, P.H. Koellinger, P.K.E. Magnusson, C.F. Chabris, D. Conley, D. Laibson, M. Johannesson, P. Visscher // PNAS. 2012. Vol. 109. № 5. P. 8026–8031.

4. Blank, R.H. Biology and Political Behavior [Text] // Politics and the Life Sciences: The State of the Discipline / Eds. R.H. Blank, S.M. Hines, O. Funke, J. Losco, P. Stewart // Research in Biopolitics. Vol. 12. Emerald Group Publishing Limited. 2012. P. 125–177.

5. Bobbio, N. Left and Right. The Significance of Political Distinction / N. Bobbio. Chicago: The University of Chicago press, 1996. XXI, 124 p.

6. Buchen, L. Biology and Ideology: The Anatomy of Politics. From Genes to Hormone Levels, Biology May Help to Shape Political Behavior [Text] // L. Buchen // Nature. 2012. Vol. 490. P. 466–468.

7. Caparos, S. The Tree to the Left, the Forest to the Right: Political Attitude and Perceptual Bias [Text] / S. Caparos, S. Fortier-St-Pierre, J. Gosselin, I. Blanchette, B. Brisson // Cognition. 2015. Vol. 134. P. 155–164.

8. Chiao, J. Cultural Neuroscience: Parsing Universality and Diversity [Text] / J. Chiao, N. Ambady. Handbook of cultural psychology / Eds. S. Kitayama, D. Cohen. N.Y.: Guilford press, 2007. P. 237–254.

9. Dawes, C.T. The Relationship Between Genes, Psychological Traits, and Political Participation [Text] / C.T. Dawes, D. Cesarini, J.H. Fowler, M. Johannesson, P.K.E. Magnusson, S. Oskarsson // American Journal of Political Science. 2014. Vol. 58. № 4. P. 888–903.

10. Dehaene, S. Space, Time, and Number: a Kantian Research Program [Text] / S. Dehaene, E. Bran-

non // Trends in Cognitive Sciences. 2010. Vol. 14. № 2. P. 517–519.

11. Dodd, M.D. The Politics of Attention: Gaze-cueing Effects are Moderated by Political Temperament [Text] / M.D. Dodd, J.R. Hibbing, K.B. Smith // Attention. Perception. Psychophysics. Berlin: Heidelberg: N.Y. Springer, 2010 (preprint).

12. European Commission. Brain Human Project, available at: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 18.08.2016).

13. Fowler, J.H. Two Genes Predict Voter Turnout [Text] / J.H. Fowler, Ch. T. Dawes // Journal of Politics. 2008. Vol. 70. № 3. P. 579–594.

14. Fowler, J.H. Biology, Politics and the Emerging Science of Human Nature [Text] / J.H. Fowler, D. Schreiber // Science. 2008. Vol. 322. P. 912–914.

15. Funk, C.L. Genetic and Environmental Transmission of Political Orientations [Text] / C.L. Funk, K.B. Smith, J.R. Alford, M.V. Hibbing, N.R. Eaton, R.F. Krueger, L.J. Eaves // Political Psychology. 2013. Vol. 34(6), P. 805–819.

16. Gallistel, C.R., Preverbal and Verbal Counting and Computation [Text] / C.R. Gallistel, R. Gelman // Cognition. 1992. Vol. 44. P. 43–74.

17. Han, S. Cultural Differences in Human Brain Activity: a Quantitative Meta-analysis [Text] / S. Han, Y.Ma // NeuroImage. 2014. Vol.99. P. 293–300.

18. Hatemi, P.K. A Genome-Wide Analysis of Liberal and Conservative Political Attitudes [Text] / P.K. Hatemi, N.A. Gillespie, L.J. Eaves, B.S. Maher, B.T. Webb, A.C. Heath, S.E. Medland, D.C. Smyth, H.N. Beeby, S.D. Gordon, G.W. Montgomery, Zhu Ghu, E. Byrne, N.G. Martin // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73. № 1. P. 271–285.

19. Hatemi, P.K. The Genetics of Politics: Discovery, Challenges, and Progress [Text] / P.K. Hatemi, R. McDermott // Trends in Genetics. 2012. Vol. 28(10). P. 525–533.

20. Hatemi, P.K. Genetic Influences on Political Ideologies: Twin Analyses of 19 Measures of Political Ideologies from Five Democracies and Genome-Wide Findings from Three Populations [Text] / P.K. Hatemi, S.E. Medland, R. Klemmensen, S. Oskarson, L. Littvay, C. Dawes, B. Verhulst, R. McDermott, A.S. Norgaard, C. Klofstad, K. Christensen, M. Johannesson, P.K.E. Magnusson, L.J. Eaves, N.G. Martin // Behavior genetics. 2014. Vol. 44(3). P. 282–294.

21. Hatemi, P.K. The Gene and Environment Foundations of Political Psychology / P.K. Hatemi, K. Smith, J.R. Alford, N.G. Martin, J.R. Hibbing // Twin Research and Human Genetics. 2015. Vol. 18. № 3. P. 243–255.

22. Jednorog, K. The Influence of Socioeconomic Status on Children's Brain Structure [Text] / K. Jednorog, I. Altarelli, K. Monzalvo, J. Fluss, J. Dubois, C. Billard, G. Dehaene-Lambertz, F. Ramus // PLoS ONE. 2012. Vol. 7. № 8.

23. Jost, J.T. Political Ideology as Motivated Social Cognition: Behavioral and Neuroscientific Evidence [Text] / J.T. Jost, D.M. Amodio // Motivation and Emotion. 2012. Vol. 36. P. 55–64.

24. Kanai, R. Political Orientations are Correlated with Brain Structure in Young Adults [Text] / R. Kanai, T. Feilden, C. Firth, G. Rees // Current Biology. 2011. Vol. 21(8). P. 677–680.

25. Klemmensen, R. The Genetics of Political Participation, Civic Duty, and Political Efficacy Across Cultures: Denmark and the United States [Text] /

R. Klemmensen, P.K. Hatemi, S.B. Hobolt, I. Petersen, A. Skytthe // Journal of Theoretical Politics. 2012. Vol. 24(3). P. 409–427.

26. Laustsen, L., Petersen, M.B., Klofstad, C.A. Vote Choice [Text] // L. Laustsen, M.B. Petersen, C.A. [Text] / Klofstad Evolutionary Psychology. 2015. Vol. 46(3). P. 1–13.

27. Littvay, L. Sense of Control and Voting: A Genetically-Driven Relationship [Text] / L. Littvay, P.T. Weith, C.T. Dawes // Social Science Quarterly. 2011. Vol. 92. № 5. P. 1236–1252.

28. Malka, A. Rigidity of the Economic Right? Menu-Independent and Menu-Dependent Influences of Psychological Dispositions on Political Attitudes [Text] / A. Malka, C.J. Soto // Current Directions in Psychological Science. 2015. Vol. 24(2). P. 137–142.

29. Nail, P.R. Threat Causes Liberals to Think Like Conservatives [Text] // P.R. Nail, I. McGregor // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 45. P. 901–907.

30. Pliskin, P. Running for Your Life, in Context: Are Rightists Less Likely to Consider Fleeing their Country when Fearing Future Events? [Text] // P. Pliskin, G. Sheppes, E. Halperin // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. Vol. 59. P. 90–95.

31. White House Brain Initiative, 2013, available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative>; <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900> (accessed 18.08.2016).

References

1. Bazhanov V.A. (2016) *Voprosy Filosofii*, no. 8, pp. 126–137 [in Rus].

2. Falikman M.V., Cole M. (2014) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 10, no. 3, pp. 4–18 [in Rus].

3. Benjamin D.J., Cesarini D., Matthijs J.H.M, Loos van M., Dawes C., Koellinger P.H., Magnusson P.K.E., Chabris C.F., Conley D., Laibson D., Johannesson M. Visscher P. (2012) *PNAS*, vol. 109, no. 5, pp. 8026–8031 [in Eng].

4. Blank R.H. (2012) *Research in Biopolitics*, vol. 12, Emerald Group Publishing Limited, pp. 125–177 [in Eng].

5. Bobbio N. (1996) *Left and Right. The Significance of Political Distinction*. Chicago: The University of Chicago press, XXI, 124 p. [in Eng].

6. Buchen L. (2012) *Nature*, vol. 490, pp. 466–468 [in Eng].

7. Caparos S., Fortier-St-Pierre S., Gosselin J., Blanchette I., Brisson B. (2015) *Cognition*, vol. 134, pp. 155–164 [in Eng].

8. Chiao J., Ambady N. (2007) *Handbook of cultural psychology* / Eds. S. Kitayama, D. Cohen. N.Y., Gilford press, pp. 237–254 [in Eng].

9. Dawes C.T., Cesarini D., Fowler J.H., Johannesson M., Magnusson P.K.E., Oskarsson S. (2014) *American Journal of Political Science*, vol. 58, no. 4, pp. 888–903 [in Eng].

10. Dehaene S., Brannon E. (2010) *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 517–519 [in Eng].

11. Dodd M.D., Hibbing J.R., Smith K.B. (2010) *The Politics of Attention: Gaze-cueing Effects are Moderated by Political Temperament / Attention*.

Perception. Psychophysics. Berlin: Heidelberg: N.Y. Springer. (preprint). [in Eng].

12. European Commission. Brain Human Project, available at: <https://www.humanbrainproject.eu> (accessed 18.08.2016) [in Eng].

13. Fowler J.H., Dawes Ch.T. (2008) *Journal of Politics*, vol. 70, no. 3, pp. 579–594 [in Eng].

14. Fowler J. H., Schreiber D. *Science*, vol. 322, pp. 912–914 [in Eng].

15. Funk C.L., Smith K.B., Alford J.R., Hibbing M.V., Eaton N.R., Krueger R.F., Eaves L.J. *Political Psychology*, vol. 34(6), pp. 805–819 [in Eng].

16. Gallistel C.R., Gelman R. (1992) *Cognition*, vol. 44, pp. 43–74 [in Eng].

17. Han S., Ma Y. (2014) *NeuroImage*, vol. 99, pp. 293–300 [in Eng].

18. Hatemi P.K., Gillespie N.A., Eaves L.J., Maher B.S., Webb B.T., Heath A.C., Medland S.E., Smyth D.C., Beeby H.N., Gordon S.D., Montgomery G.W., Ghu Zhu, Byrne E., Martin N.G. (2011) *The Journal of Politics*, vol. 73, no. 1, pp. 271–285 [in Eng].

19. Hatemi P.K., McDermott R. (2012) *Trends in Genetics*, vol. 28(10), pp. 525–533 [in Eng].

20. Hatemi P.K., Medland S.E., Klemmensen R., Oskarson S., Littvay L., Dawes C., Verhulst B., McDermott R., Norgaard A.S., Klofstad C., Christensen K., Johannesson M., Magnusson P.K.E., Eaves L.J., Martin N.G. (2014) *Behavior genetics*, vol. 44(3), pp. 282–294 [in Eng].

21. Hatemi P.K., Smith K., Alford J.R., Martin N.G., Hibbing J.R. (2015) *Twin research and human genetics*, vol. 18, no. 3, pp. 243–255 [in Eng].

22. Jednorog K., Altarelli I., Monzalvo K., Fluss J., Dubois J., Billard C., Dehaene-Lambertz G., Ramus F. (2012) *PLoS*, vol. 7, no. 8 [in Eng].

23. Jost J.T., Amodio D.M. (2012) *Motivation and Emotion*, vol. 36, pp. 55–64 [in Eng].

24. Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. (2011) *Current Biology*, vol. 21(8), pp. 677–680 [in Eng].

25. Klemmensen R., Hatemi P.K., Hobolt S.B., Petersen I., Skytthe A. (2012) *Journal of Theoretical Politics*, vol. 24(3), pp. 409–427 [in Eng].

26. Laustsen L., Petersen M.B., Klofstad C.A. (2015) *Evolutionary Psychology*, vol. 46(3), pp. 1–13 [in Eng].

27. Littvay L., Weith P.T., Dawes C. T. (2011) *Social Science Quarterly*, vol. 92, no 5, pp. 1236–1252 [in Eng].

28. Malka A., Soto C.J. (2015) *Current Directions in Psychological Science*, vol. 24(2), pp. 137–142 [in Eng].

29. Nail P.R., McGregor I. (2009) *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 45, pp. 901–907 [in Eng].

30. Pliskin P., Sheppes G., Halperin E. (2015) *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 59, pp. 90–95 [in Eng].

31. White House Brain Initiative, 2013, available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative>; <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900> (accessed 18.08/2016) [in Eng].

UDC 321.02

KANTIAN PROGRAM IN PRESENT- DAY POLITOLOGY: NEUROPOLITOLOGY

Bazhanov Valentin Aleksandrovich,

Ulyanovsk State University,
Head of the Department
Chair of Philosophy,
Sociology and Politology,
Doctor of Philosophy, Professor,
Honoured Science Worker of the RF.
Ulyanovsk, Russia.
E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Annotation

Recent progress of cognitive researches and first of all, of neuroscience contributed to the discovery of empiric data according to which certain neurobiological structures can influence the formation of some or other political opinions and/or stimulate one or another social and political activity. This resulted in establishing neuropolitology which analyzes circumstances and peculiarities of the impact neurobiological structures have on the sphere of political activity. Before the formation of neuropolitology as a relatively independent direction of social-political science such phenomena had not been recognized for about a hundred years. Meanwhile predetermination of certain social and political opinions and actions makes us recall the idea of I. Kant about apriorism which takes new format and new meaning in present-day circumstances. The author of the article is aimed at giving reasons for this very thesis.

Key concepts:
cognitive researches,
neuroscience,
neuropolitology,
apriorism,
I. Kant,
research program,
Baldwin effect.